

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 4612.

Воскресенье, 2-го мая 1899 г.

№ 4612

Одесса. — Городской музей изящныхъ искусствъ на Софiевской улицѣ.

(Со снимковъ г. Ниане.

Автоматія „Одес. Нов.“)

Aut Caesar, aut nihil.

Карла Тейгеля.
(Съ тѣмечко).
(Окончаніе *).

Я знаю тебя лучше, чѣмъ ты самъ,—сказала она:—у тебя есть способности къ политикѣ, и я выполню свою задачу. Ты долженъ прославить свое имя и стать героемъ дня! Сдѣлаемъ сегодня первый шагъ: отпустимъ повара и предпримемъ себѣ діету.

— Но, право-же.

— Право-же, я не хочу имѣть толстаго мужа.

Рвеніе, съ какимъ она устремилась къ достиженію своей цѣли, достойно было болѣе интереснаго объекта, чѣмъ я. Послѣ роскошнаго обѣда на Тунскомъ озерѣ, я набалдася досыта только урывками въ ресторанахъ. И такъ какъ, несмотря на діету, я не худѣлъ, то дозрительные взоры жены отравляли мнѣ даже скудную пищу; я рѣшилъ, наконецъ, отказаться отъ тайныхъ посѣщеній ресторановъ и даже началъ входить во вкусъ самоистязанія.

Трудно сдѣлаться великимъ чело-вѣкомъ. Сколько жертвы! Сколько исптаній! Удобства и покоя навсегда изгнаны изъ моего дома. Днемъ и ночью онъ полонъ посѣтителей: декламация

Поэты молодой Германіи.

Бюсты, поставленные въ паркѣ Викторіи въ Берлинѣ.

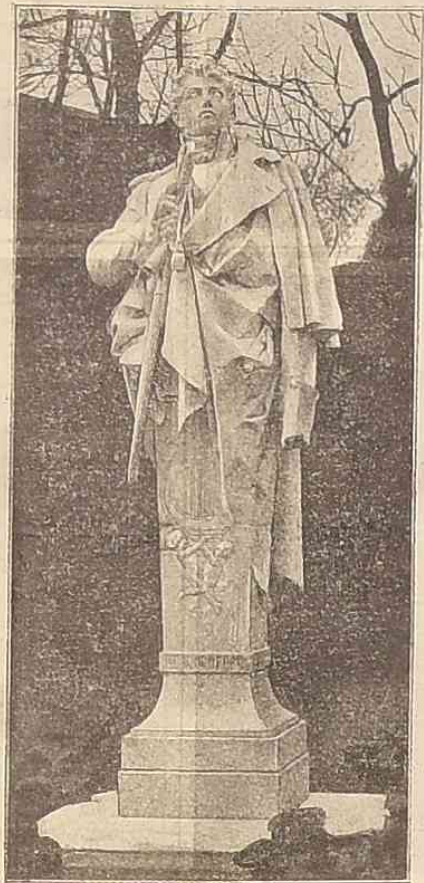

Эрхстъ Эрхдтъ.

См. № 4606 „Од. Нов.“.

стиховъ, квартеты, рефераты, политическіе споры постоянно смѣняютъ другъ друга. Последніе для меня всего тяжелѣе. Даже пятиактная трагедія придти къ концу, а политическіе споры никогда.

По временамъ на меня нападаетъ стыдъ, что я медленно иду впередъ, и тогда я дѣлаю отчаянныя усилія, которыя, къ сожалѣнію, даютъ плачевные результаты. Такъ, напримѣръ, страсть моей жены къ литературѣ побудила меня написать книгу. Ночи напролетъ просиживалъ я въ библиотекѣ, расшатывая себѣ нервы чернымъ кофе и поглощая всевозможныя литературныя произведенія. Наконецъ, я закончилъ довольно объемистый манускриптъ и въ рождественскій сочельникъ преподнесъ Констанціи дожину изящно изданныхъ, элегантно переплетенныхъ экземпля-

Теодоръ Кернеръ.

ровъ моего перваго произведенія. Я издалъ книгу на свой счетъ и не имѣлъ въ виду иной публики, кромѣ жены. О, я не предусмотрѣлъ послѣдствій ея тщеславія! Съ торжествомъ препроводила она, не спросивъ у меня разрѣшенія, одинъ экземпляръ строгому критику „Общественной правды“. Книга не сопровождалась ни просьбой о просмотрѣ, ни любезными словами. Напротивъ, на заглавномъ листкѣ Констанція поставила вызывающую надпись: „Ex ungue leonem“. Недѣлю спустя, въ „Общественной правдѣ“ появилась слѣдующая критическая замѣтка: „Кровавыя розы. Пѣсни Цезаря Лева. Никогда еще литературная безцеремонность не доходила до такого безстыдства. Каждая строчка названнаго сборника—кража. И кого обкрадываетъ г. Лева? Давно предан-

Людвигъ Уландъ.

ныхъ забвенію писателей силезской школы: какихъ-то Опицовъ, Гоммансвальдау, Леонштейновъ! Изъ чего слѣдуетъ, что у автора (?) не только нѣтъ совѣсти, но также нѣтъ и вкуса.

Вотъ начало первой пѣсни:
Милый другъ мой, поспѣшимъ,
Время передъ нами;
Всѣ преграды сокрушимъ
Нашими погами

Даже такихъ нелѣпыхъ стиховъ г. Лева не въ состояніи былъ написать самъ, а заимствовалъ ихъ цѣликомъ у Опица. На нашемъ экземплярѣ проницательное перо начертало слѣдующія слова: „Ex ungue leonem“. Изъ приведеннаго примѣра читатели могли убѣдиться, что у этого льва раньше гривы бросаются въ глаза ослиныя уши“.

Весною съ Констанціей произошла замѣтная перемена. Однажды утромъ она спросила меня, не расположенъ ли я купить имѣніе и переселиться туда изъ столицы? Я подпрыгнулъ отъ радости. Черезъ мѣсяцъ мы поселились въ прелестномъ мѣстечкѣ недалеко отъ уѣзднаго города Э. Я радовался и благословлялъ судьбу; я былъ преисполненъ надеждъ, видѣлъ впереди мирное, безпечальное житье! Прощай метафизика, сонаты, а главное—политика. Я цѣлыми часами скитался по полямъ и лѣсамъ, осматривалъ хозяйственныя постройки и службы, предоставляя моей божественной Констанціи дѣлать визиты и принимать гостей. О діэтѣ не заикались; мы давали обѣды, завтраки, ужины... наступилъ канунъ моего рожденія, и—о ужасъ! Съ торжественнымъ видомъ, не предвѣщавшемъ ничего хорошаго, повела меня Констанція къ себѣ въ комнату, гдѣ сидѣло съ подлужины

Фридрихъ Рюкертъ.

мужчинъ съ невѣроятнo жесткими воротниками и жесткими физиономіями.

— Цезарь,—сказала жена,—Цезарь Лева, эти господа—избираютъ ели города Э., прѣѣхали сообщить тебѣ новость, важную, радостную, великую новость! Ты...

Я до настоящаго времени содрогаюсь при одномъ воспоминаніи! Вотъ для чего заставила она меня купить имѣніе. Вотъ почему развѣзжала къ помѣщикамъ, чиновникамъ, судьямъ, общиннымъ совѣтникамъ всего округа. Вотъ что значили роскошные пиры! Она собирала голоса! Мнѣ нанесенъ тяжелый ударъ. Прости навѣкъ мой аппетитъ, мой юморъ, покой! Завтра долженъ я покинуть прелестное имѣніе и переселиться въ столицу, чтобы за-сѣдѣть въ палатѣ. Злосчастный депу-татъ!

ДВѢ ФУРИИ.

(Изъ встрѣчъ въ Монте-Карло).

Рассказъ В. Лева.

(Съ англійскаго).

Сколько удивительныхъ случаевъ происходитъ въ избѣнчивомъ царствѣ золота, гдѣ милліоны луддоровъ ослабляютъ отуманенные глаза разорившихся игроковъ, гдѣ титулованная знать сидитъ рядомъ съ поддонками общества!.. Здѣсь кака-то эпидемическая страсть къ золоту, и нервы властвуютъ надъ сердцемъ и разсудкомъ; здѣсь воздухъ пропитанъ соблазномъ и ненасытной жадной денегъ...

Изъ десяти тысячъ прѣѣзжающихъ не найдется ни одного, который бы не рискнулъ хотя одной или двумя монетами. Рулетка точно гипнотизируетъ ихъ и доводитъ подчасъ людей даже съ сильнымъ характеромъ до разоренія, а иногда и самоубійства.

Между профессиональными завсегдатаями, которые за какихъ-нибудь нѣсколько луддоровъ замѣняютъ собою застѣчивыхъ игроковъ, незнающихъ игры, находился одинъ беззаботный и вѣтреный чело-вѣкъ, не лишенный, впрочемъ, и нѣкоторыхъ хорошихъ качествъ.

Онъ принадлежалъ къ англійскому офицерству, и круче знали его подъ именемъ капитана Дремонда (прозвище, разумеется, вымышленное). Впослѣдствіи оказалось, что онъ происходилъ изъ старинной фамиліи и былъ сыномъ пэра. Распутная жизнь заставила его оставить армию и заняться игрою для поддержанія брэннаго существованія.

Ему было около 35 лѣтъ, онъ былъ высокъ ростомъ, съ сѣрыми глазами, благородными

видите, очутился теперь у рулетки? Двѣ барышни мнѣ предложили за нихъ играть. У нихъ полмилліона франковъ въ Луиско-вѣ предитъ и онѣ хотятъ во что бы то ни стало, выложить ихъ на столъ.

— Съ міру по ниткѣ—голому рубаха,—посмѣялся я.—Кто же онѣ такая? красивая, по крайней мѣрѣ?

—О, нѣтъ! Онѣ положительнo невозможны,—настоящая фури. Онѣ видѣли, какъ я сегодня игралъ; узнали мое имя, познакомились со мной, и съ завтрашняго дня мы кутимъ. Таинственный незнакомки не хотятъ открывать своего происхожденія. Я, впрочемъ, увѣренъ, что онѣ англичанки или американки. Имена ихъ—Елена и Мэбелъ Тригирнъ.

— Счастье ихъ, что онѣ попали въ ваши руки, Дремондъ. На одному изъ комисіонеровъ нельзя было бы поручить такой суммы.

— Вы сегодня, кажется, настроены дѣлать комплименты.

Мы оба засмѣялись, но я при этомъ замѣтилъ на лицѣ Дремонда, что онъ чѣмъ-то озабоченъ и, повидимому, желаетъ со мной по-сѣтоваться.

— Онѣ остановились въ гостиницѣ „Метрополь“, гавалеровъ не имѣютъ и, пѣзъ ихъ словъ видно, намѣрены повеселиться.

— Во что онѣ будутъ играть?

— Конечно, въ рулетку,—отвѣчалъ капитанъ, отрѣзывая кончикъ сигары:—trente et quarante онѣ находятъ недостаточно азартной игрой.

— Когда начнутъ проигрывать, то, опустя недѣльку-другую, навѣрно ийдутъ азартной,—возразилъ я съ усмѣшкой;—мы видывали лю-

Максъ фонъ-Шенкендорфъ.

чертами лица и красивыми блонкурными усами, словомъ представлялъ собою типъ истаго англійскаго кавалериста.

За все время нашего знакомства я ни разу не замѣчалъ за нимъ безстыдныхъ поступковъ. Мы были даже пріятелями, и онъ часто забгалъ ко мнѣ выкурить сигару и перекинуться словечкомъ.

Однажды, поздней осенью, онъ зашелъ ко мнѣ, опустился въ кресло и воскликнулъ, заливаясь смѣхомъ:

— И, кажется, намель хорошій заработокъ, Мартинъ. Поздравьте меня!

— Вѣроятно, кто-нибудь умеръ и оставилъ вамъ наследство?—замѣтилъ я въ отвѣтъ.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ, хотя это моя давнишняя надежда. Вы, вѣдь, знаете, что я пропустилъ въ трубу все свое состояніе и, какъ

Генрихъ Хейнъ.

Поэты молодой Германіи.

Бюсты, поставленные въ паркѣ Викторіи въ Берлинѣ.

Княжичъ Черногорскій Даниилъ и его высоконазначенная невѣста принцесса Ютта Мекленбургъ Стрелицкая.

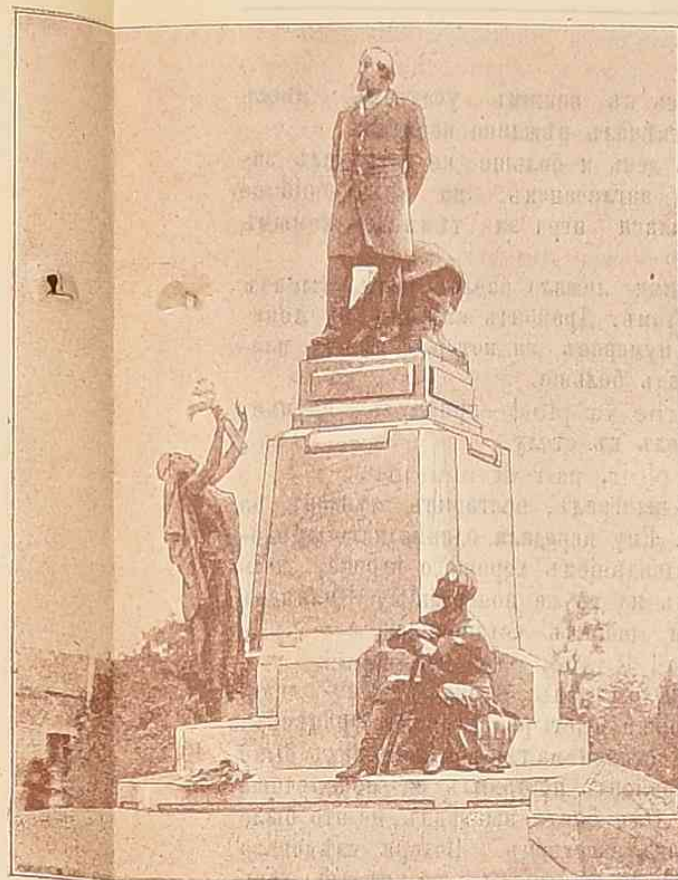
Генераль-адъютантъ К. Н. Посыеть, членъ государственнаго совѣта † 26 апрѣля 1899 г.

Гергартъ Гауптманъ, авторъ «Извозчика Геншеля».

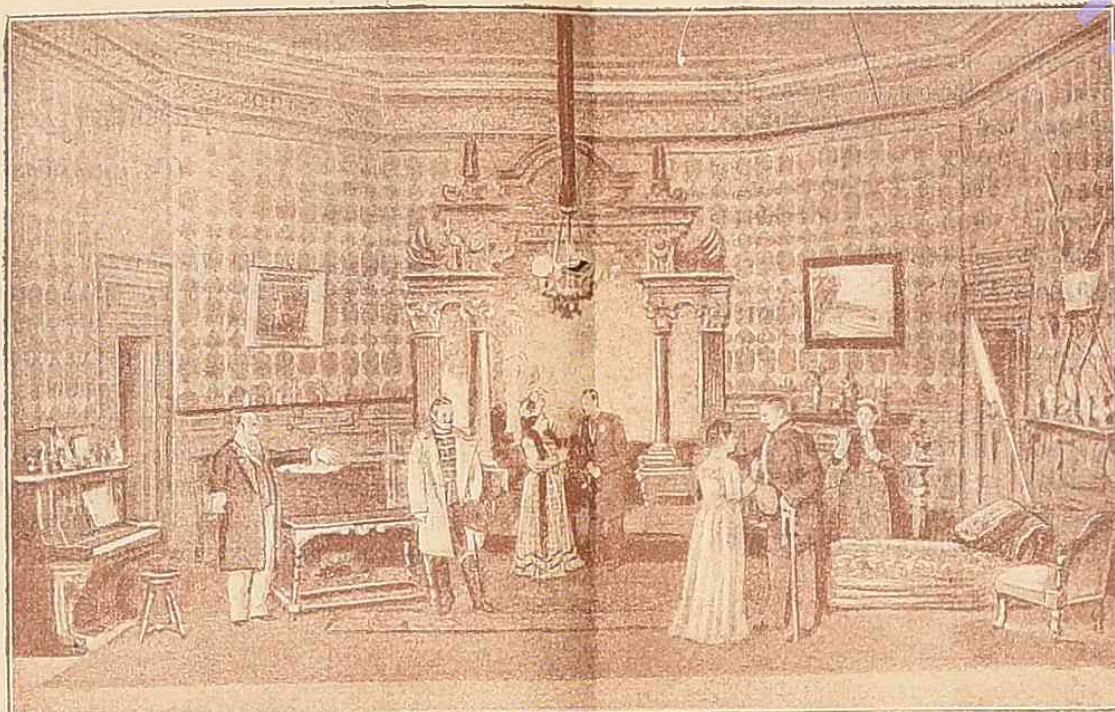
Финаль 4-го акта. Зибенгоръ, Ганна, Геншель. «Извозчикъ Геншель», Г. Гауптмана на сценѣ «Нѣмецкаго театра» въ Берлинѣ.

Памятникъ Жюлю Ферри въ Тунисѣ.

Марія Гавриловна Савина, солистка Его Величества, дѣвочкой, 11 лѣтъ. Портретъ снятъ въ Одессѣ, въ «фотографіи» въ д. Поподого, на Преображенской улицѣ, противъ полиціи, какъ значится на оборотѣ доставленной намъ фотографической карточки.

Заклучительная сцена II-го дѣйствія. «Блѣстящая карьера» въ постановкѣ Берлинскаго «Нѣмецкаго театра».

Къ столѣтію со дня рожденія Бальзака.

Портретъ О. Бальзака, снятый дагерротипномъ.

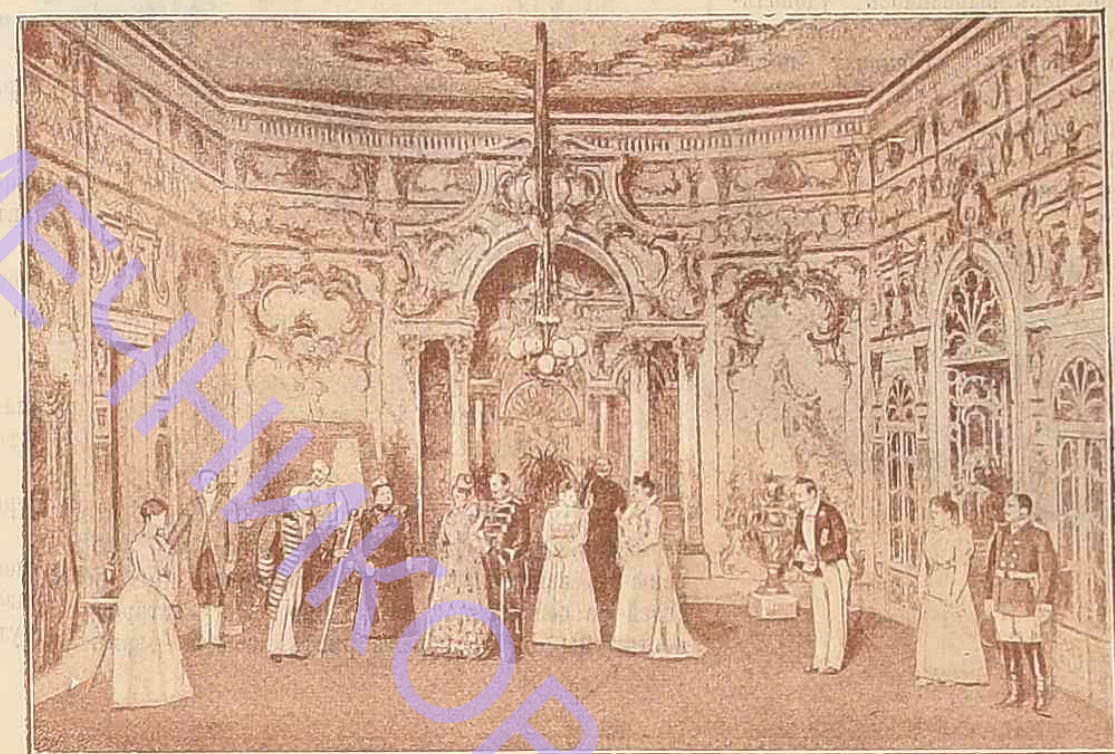
Портретъ Оноре Бальзака, работы Гаварди.

Медальонъ Бальзака.

Снимокъ съ руки Бальзака.

Финальная сцена III акта.

дей, прижавших съ своими карманами, а черезъ несколько дней,—увы,—они удалялись съ пустыми кошельками и вытиснутыми лицами.

Дремондъ былъ довольно разсчитаннымъ игрокомъ и никогда не бросалъ на вѣтеръ вѣрнѣйшихъ ему денегъ. Попадись сестры Тригиривъ и руки кого нибудь другого, имъ-бы не удобривать, и въ одно прекрасное утро онъ-бы узнали, что ихъ доверитель исчезъ, увезя съ собою львиную часть ихъ капитала.

Дремондъ былъ настоящимъ покорителемъ женскихъ сердецъ. Онъ изящно одѣвался, всегда по послѣдней модѣ, и я самъ частенько видѣлъ, какъ титулованные англичане протягивали ему руки. Хотя Джексъ Дремондъ въ обществу уже и не принадлежалъ, все-же онъ по-прежнему казался джентльменомъ.

Поговоривъ и помявшись вволю, мы отправились въ «Café de Paris», выпили по рюмкѣ вермута и разошлись.

— Теперь я—веселый паперникъ двухъ богачекъ, и полмилліона въ моемъ распоряженіи, а вчера? И долженъ былъ обѣдать за два франка, не могъ даже заплатить за порядочный обѣдъ и сѣсть за table d'hôte. Чортъ возьми, какія бывають на свѣтѣ чудеса!—сказалъ онъ при прощаніи.

Я согласился. Онъ пошелъ обѣдаться, чтобы идти обѣдать съ экцентричными барышнями въ «Метрополь», а потомъ знакомить ихъ съ секретами рулетки.

На другой день я увидѣлъ эту троицу въ казино. Всѣ трое сѣдѣли у стола и были заняты игрой.

Барышни, дѣйствительно, представляли олицетвореніе ужаснаго безобразія, —высокія, страшно худыя, съ длинными болѣзненно блѣдыми лицами; темные глаза ихъ возбужденно горѣли, сѣдя за каждой ставкой своего ментора. Онъ были хорошо одѣты въ костюмахъ «tailleur», въ строго англійскомъ вкусѣ.

Этотъ костюмъ только и хорошъ на одиѣхъ англичанкахъ, на женщинахъ-же другихъ національностей онъ простиго отвратителенъ.

Я думаю, съ этимъ великій согласится.

Сестры очень походили одна на другую, носили одинаковыя шляпы, но цвѣтъ ихъ платья былъ различный. На старшей, т. е. на Еленѣ красовалось зеленое платье, на младшей—темно-сѣрое.

Но вотъ раздался голосъ крупье:

— Onze! Noir, impair et manque!

Дремондъ поставилъ луддоръ en plein, одинъ на вторую шестерку и одинъ на первую дюжину и выигралъ шестьсотъ франковъ за вѣчетомъ проиграла.

На лицахъ барышень выразилось удовольствіе; старшая что-то записала въ свою книжечку въ серебряной оправѣ. Дремонду, повидимому, везло. Груда золота образовалась около него, и онъ смельчужимъ замѣнилъ его банкскими билетами. Въ одинъ часъ

онъ выигралъ восемь тысячъ франковъ. Мэбелъ подожди денги въ приготовленный мѣшечекъ.

Черезъ десять минутъ Дремондъ, поставивъ на зѣро, выигралъ еще семьсотъ франковъ.

Затѣмъ онъ сѣдѣлъ ставку изъ ста франковъ на 9 и изъ 150-ти франковъ на 27.

Сестры затанцовали и устремили глаза на колесо.

— Vingt-sept! Rouge, impair et passe!
— Мы выиграли!—воскричала Мэбелъ:—ахъ, какъ весело!

Дремондъ выигралъ пять тысячъ франковъ. Онъ тутъ-же передалъ денги младшей сестрѣ, и у ней въ мѣшечкѣ образовалось, такимъ образомъ, тринадцать тысячъ франковъ чистаго барыша.

Дремондъ взглянулъ на меня и улыбнулся. Боюсь переборщить счастье, онъ ставилъ все пять-франковые и изрѣдка луддоры на quatre premier. На серебряныя монеты онъ проигрывалъ.

Многіе суевѣрыя и роки иногда не ставятъ серебра. Я выхвѣлъ изъ казино, а черезъ часъ, когда вернулся, то увидѣлъ, что комнаты переполнены публикой, пріѣхавшей изъ Ниццы. Фортуну измѣнила на этотъ разъ Дремонду. Онъ потерялъ половину пріобрѣтеннаго, и несчастье продолжало его преслѣдовать. Выраженіе довольства сошло съ лицъ миссъ Тригиривъ. Дремондъ, желая перемѣнить игру, обвинялъ предки на золото, и ему выдала большіи золотыя монеты стофранковаго достоинства, которыя только и имѣются въ Моцко для игры въ казино. Онъ поставилъ на 21, а вышло 24, затѣмъ на 36, но выхвѣлъ 0.

— Право, больше не стоить играть,—сказалъ онъ англичанкамъ:—мы должны довольствоваться тѣмъ, что выиграли. Уйдемте.

Тѣ выразили согласіе и встали изъ-за стола.

— Не будемъ трогать нашего выигрыша,—сказала Елена, обращаясь къ сестрѣ—только тогда и можно провести правильный итогъ.

— Чудная идея!—согласился Дремондъ;—я, конечно, не гарантирую, что вы много выиграете, но съ вашимъ капиталомъ это возможно.

— Мы сорвемъ банкъ, непременно сорвемъ!—воскричала Мэбелъ.—Я почему-то увѣрена. Сегодня мы все-таки выйдемъ съ успехомъ, и если такъ будетъ продолжаться ежедневно, то этого будетъ совершенно достаточно.

— А если мы проиграемъ?—спросила

Дремондъ.

— Ну, что-же, если проиграемъ, то и это не важно. Мы пріѣхали сюда потому, что уи рены въ выигрышѣ. Если проиграемъ, то по своей-же собственной винѣ. Види вамъ осторожность, мы охотно беремъ рискъ на себя,—замѣ

тила Елена.

— Я все къ вашимъ услугамъ, миссъ Тригиривъ,—отвѣчалъ вѣжливо капитанъ.

Въ этотъ день я больше не встрѣчалъ загадочную пару англичанокъ; на слѣдующій же день возобновилась игра за тѣмъ же самымъ столомъ.

Передъ ними лежало около пяти тысячъ франковъ золотомъ. Дремондъ ставилъ на поперечные трехъ номеровъ за которые банкъ платитъ въ 11 разъ больше.

— Rien ne va plus!—крикнулъ крупье, когда я подошелъ къ столу.

— Dix! Noir, pair et manque!

Дремондъ выигралъ, поставивъ луддоръ на 10, 11 и 12. Ему передали одинадцать луддоровъ. Съ предвидѣніемъ хорошаго прокала, онъ опять поставилъ на тѣ-же поперечные. Цилиндръ завертѣлся, и шарикъ остановился.

— Douze! Rouge, pair et manque!

Онъ снова выигралъ; и ему выдалъ двадцать два луддора или четыреста сорокъ франковъ.

Оставаясь ставка на тѣхъ-же номерахъ было рискованно, и Дремондъ поставилъ на поперечные 16, 17 и 18. Онъ опять выигралъ, но это было его прощальнымъ счастьемъ. Потеря слѣдовала за потерей, и весь выигрышъ за цѣлый день постепенно исчезъ. Костяныя барышни встали и ушли съ явнымъ неудовольствіемъ. Прошанъ недѣля, а проигранны все продолжалось.

Однажды, вечеромъ, когда я обѣдалъ съ товарищемъ, полицейскимъ комиссаромъ изъ «Clement-Terrand», въ ресторанѣ «Café de Paris» я увидѣлъ миссъ Тригиривъ, сѣдѣвшихъ за столомъ рядомъ съ нами. Дремонда не было съ ними. Онъ предпочиталъ обѣдать съ пріятелями въ «Европѣ». Обѣ барышни были невозможны декоративны, Елена въ голубомъ платьѣ, а Мэбелъ—въ розовомъ. Выглядѣли онѣ до крайности безобразно. Лоции, какъ скелеты, онѣ, тѣмъ не менѣе, обращали на себя вниманіе чудными бриллиантами, украшавшими ихъ вытиснутыя шеи (а бриллианты вѣдь не рѣдкость для посылителей Монте Карло!).

Въ этотъ вечеръ далаи «Манонъ», и я рѣшилъ, что онѣ непременно направятся въ театръ, такъ какъ въ рукахъ у нихъ были вѣра.

Я разсказалъ своему товарищу, кто онѣ и зачѣмъ пріѣхали. Онъ тотчасъ-же обратился на нихъ вниманіе и занялся веселымъ смѣхомъ.

— Боже милосердный, что за роки! Очню древнія фуріи. Вашъ другъ Дремондъ славно ихъ обработаетъ.

Во время обѣда я прислушивался къ ихъ разговору.

— Я не вижу этотъ table d'hôte—сказала Мэбелъ,—мы легко можемъ встрѣтиться съ тѣмъ нибудь нежелательнымъ.

— Что съ тобой? За послѣднее время ты червни, какъ котенокъ.

— Ужь я то въ этомъ не впиновата.

— Миѣ кажется, что Дремондъ насъ подозреваетъ,—прошептала она.—Вы не замѣтили, какъ онъ по временамъ глядитъ на насъ?

— Вотъ пустяки! Это не больше, какъ твое глупое воображеніе. Какъ онъ или рообче кто нибудь другой можетъ догадаться!

Младшая сестра промолчала.

— Мы сегодня въ выигрышѣ. Мы потеряли одинадцать тысячъ франковъ въ три четверти часа.

— Не велика бѣда. Вспомни вѣдь къ первый день мы выиграли. Потери неизбежны.

— Что ты скажешь на счетъ нашихъ пяти-сотъ тысячъ?—спросила Мэбелъ, и онѣ обѣ разсмѣялись, какъ будто услышавъ остроумную шутку.

Тонъ ихъ разговора исбудилъ мое любопытство. До сихъ поръ я смогрѣлъ на нихъ, какъ на глупыхъ искательницъ счастья, спекулянтскъ, нежиданно получившихъ богатое наследство, но теперь я сталъ относиться къ нимъ, самъ не знаю—почему, съ нѣкоторой подозрительностью.

— Смѣшная парочка, даже очень смѣшная,—замѣтилъ между тѣмъ мой товарищъ.

Онъ не владѣлъ англійскимъ языкомъ и, очевидно, не понималъ ихъ разговора.

— И думаю имъ придется истратитъ и тѣ денешки, которыя припасены ими для обратной дороги,—добродушно продолжалъ онъ смѣяться.

— Администратіи никогда не отказывается въ пяти стахъ франкахъ яцу, проигранному до полумилліона и не имѣющему денегъ, чтобы вернуться домой.

— Вотъ здѣсь, я понимаю,—настоящая жизнь...

— А у насъ въ Овееви—такая скука,—замѣтилъ мой собесѣдникъ съ отѣнкомъ сожалѣнія.

— За исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда какая-нибудь кингиза выходитъ замужъ за клоуна,—напомнилъ я ему бывшій у нихъ скандалъ, надѣлавшій въ свое время столько шума и чуть не окончившійся трагедіей.

Онъ захохоталъ, и при этомъ роскошная бриллиантовая булавка (подарокъ кингизы) засверкала въ галстухѣ Билгина сама приколола се своими бѣлыми, выходящими ручками въ благодарности за предупрежденіе трагедіи, жертвою которой она должна была сѣдѣть.

Сестры Тригиривъ посѣдѣли окончить обѣдъ и направилась къ театру, а мы закурили сигары и продолжали болтать за рюмочками ликеру. Вдругъ я увидѣлъ Дремонда въ извѣстномъ обѣденномъ костюмѣ и черномъ галстухѣ. Онъ замѣтилъ меня и подошелъ къ столу.

— Ну, какъ игра, подвигаете?—спросилъ я.

— Игра?—воскрикнулъ онъ, напавъ бенедиктину:—эти англичанки позолотили—дуры, онѣ саускають весь свой выигрышъ и, вѣроятно, ваятъ во весь мѣсяцъ.

— И большой проигрышъ? То что мы, выиграли, около шестидесяти тысячъ франковъ, онѣ положили отдѣльно въ банкъ.

— Товарищъ мой продолжалъ смѣяться.

— Не будь онъ такимъ уродами, миѣ было бы ихъ жалко,—замѣтилъ онъ.

— Да, чортъ возьми, и просто таки зеденію при одномъ ихъ видѣ. Онѣ получили различное образованіе, но это—не аристократки. Имѣють денги и не могутъ успокоиться, пока ихъ не проиграють. Изъ рукъ вонъ что такое.

— Вы узнали что-нибудь о нихъ?

— Почти что ничего,—отвѣчалъ капитанъ;—старый ростовщикъ, Степлетонъ, увѣряетъ, что видѣлъ ихъ годъ тому назадъ на пароходѣ, «Scot» изъ Cape Town, а въ south-hampton.

Онѣ получили тамъ прозвище фуріи. Но онъ почему-то говоритъ, что тамъ не были.

— Пожалуй, ростовщикъ правъ, и денги ихъ идутъ изъ Трансильваніи,—воскричалъ мой товарищъ.

— Ну, а какъ вы съ ними заите?—спросилъ я, зная изъ наблюденій, что Дремондъ относился къ нимъ съ явнымъ пренебреженіемъ.

— Дѣло въ томъ, что ихъ безобразіе пришло мнѣ несчастье въ игрѣ. Миѣ все это крайне надоело. Завтра онѣ вынутъ изъ банка оставшіяся денги, и мы будемъ играть на рискъ выиграть или все спустить.

— Вы пришли въ отчаяніе? Сберегите имъ

хоть на дорогу.

— Ну, это сказано немножко зло. Спокойной ночи!

Этотъ природный спортсменъ легко переносилъ всякій удачи и неудачи.

На другой день я опять нашелъ ихъ за «счастливымъ» столомъ, какъ говорятъ профессиональные игроки. Здѣсь уже одинъ счастливецъ выигралъ семьдесятъ двѣ тысячи франковъ на двѣнадцать поворотовъ, причемъ 0 и 6 выли шесть разъ подъ рядъ (небывалая вещь за все время открытія рулетки).

Игра была уже начата, когда я пришелъ. Мѣшокъ миссъ Мэбелъ былъ переполненъ денгами. Передъ Дремондомъ лежала пачка кредитовъ по тысячѣ франковъ. Ему везло. Онъ навѣзился въ Елени и, съ ея согласія, поставилъ сто пятьдесятъ франковъ en plein на 34 и столько же на 17.

— Dix sept! Noir, impair et manque!—закричалъ крупье.

Дремондъ улыбнулся. Уродливыя англичанки перешептывались, и крупье передалъ младшей пятисотъ франковъ.

— Вы будете еще играть?—спросила Елена у капитана;—мы пойдемъ въ Лионскій кредитъ и сдадимъ денги, пока банкъ не закрытъ, а черезъ десять минутъ вернемся.

— Сколько-же вы сегодня выиграли?

— Сто воемидесятъ девять тысячъ франковъ,—отвѣчала она.

Обѣ сестры встали и ушли. Ихъ мѣста сѣдѣть же заняли другіе. Дремондъ продолжалъ играть. Передъ нимъ лежало около семидесяти тысячъ франковъ. Счастье не уходило отъ него.

Черезъ часъ я ушелъ къ себѣ. Вдругъ за мной прислаляютъ служащаго и просятъ въ контору директора. Войдя, я увидѣлъ бѣднаго и извѣстнаго Дремонда съ главнымъ крупье и двумя помощниками. Передъ директоромъ лежала пачка кредитовъ тысячефранковаго достоинства.

Оказалось, что крупье, принимая проигранныя денги отъ Дремонда, замѣтилъ въ кредитныхъ какую-то жесткость. Онъ сталъ внимательно разсматривать ихъ и увидѣлъ, что онѣ фальшивыя, хотя однако же артистически сдѣланныя.

Игра была сейчасъ-же пріестановлена, и Дремонда повели къ директору. Онъ объяснилъ, что денги были ему даны миссъ Тригиривъ, и что, можетъ быть, и она была тоже обманута. Тогда послали въ Лионскій кредитъ, гдѣ оказалось, что спекулянтки никогда не имѣли тамъ полумилліона, а на прошлой недѣлѣ сдѣлали выигрышахъ денегъ, но сегодня утромъ ихъ вынули. Въ огнѣ ихъ тоже не оказалось, такъ какъ онѣ ушли еще въ 10 часовъ утра.

Я напалъ на ихъ слѣдъ на итальянской границѣ, но потомъ окончательно его потерялъ. Такимъ образомъ, выяснилось, что все недѣлю Дремондъ ставилъ фальшивыя денги. Вотъ почему сестры Тригиривъ такъ ревниво сохраняли свой выигрышъ отдѣльно! Казино потеряло, благодаря искусной выдумкѣ уродливыхъ англичанокъ, триста тысячъ франковъ, да еще триста сорокъ восемь тысячъ, выигранныхъ ими.

Черезъ годъ авантюристки, наконецъ, были пойманы въ Лондонѣ за сбытъ фальшивыхъ пятидесяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ, и обѣ были приговорены къ тюремному заключенію на пять лѣтъ. Онѣ указали на типографію въ Гамбургѣ, гдѣ печатались фальшивыя денги, и всѣ ихъ соучастники также были пойманы и посажены въ тюрьму на срокъ отъ пяти до пятнадцати лѣтъ. Указанія ростовщика подтвердились, такъ какъ сестры Тригиривъ, дѣйствительно, сбы-

вали фальшивыя денги и въ Cape Town, но имъ удалось скрыться въ Англій.

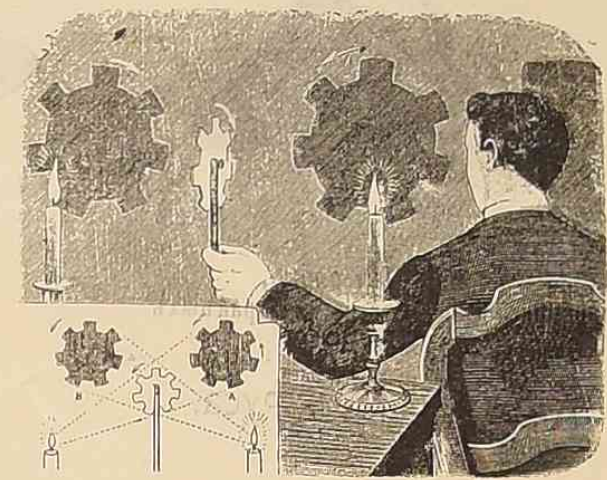
Что касается Джека Дремонда, то онъ все еще продолжаетъ считаться завсегдатаемъ казино. Это—вполнѣ честный и порядочный человекъ, котораго я не стыжусь назвать своимъ пріятелемъ.

Игры и забавы.

Чудо-мельница.

Вырѣжьте изъ картона нѣкоторое подобіе мельничнаго колеса и посредствомъ булавки, пропущенной сквозь середину, прикрѣпите его къ концу небольшой палочки, но такъ, чтобы колесо вѣло свободно вращаться вокругъ своей оси.

Если поставить двѣ горячія свѣчи въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, а между ними и стѣной, параллельно къ площадке стѣны, помѣстивъ колесо, то на стѣнѣ позвучатъ двойная тѣнъ колеса; вращайте при этомъ колесо, и

обѣ тѣни запертыся въ одну и ту же сторону (см. лѣвую часть рисунка, А и В).

Если-же колесо поставить бокомъ къ стѣнѣ, вы—послѣ того, какъ будете то приближать, то удалять его,—очень скоро найдете такую точку, занимая которую, колесо ваше, сначала отражающееся въ видѣ двухъ эллипсовъ, отброситъ наконецъ отъ себя прежнюю кругообразную тѣнъ (см. рис.). Если теперь вращать колесо, то правая тѣнъ станетъ вертѣться справа лѣвѣю, а лѣвая—слѣва направо, т. е. тѣни будутъ вращаться на встрѣчу другъ другу.

Дремондъ.

— Ну, что-же, если проиграемъ, то и это не важно. Мы пріѣхали сюда потому, что уи рены въ выигрышѣ. Если проиграемъ, то по своей-же собственной винѣ. Види вамъ осторожность, мы охотно беремъ рискъ на себя,—замѣ

Полковникъ Фрейштеттеръ,
одинъ изъ судей Дрейфуса въ 1894 г.

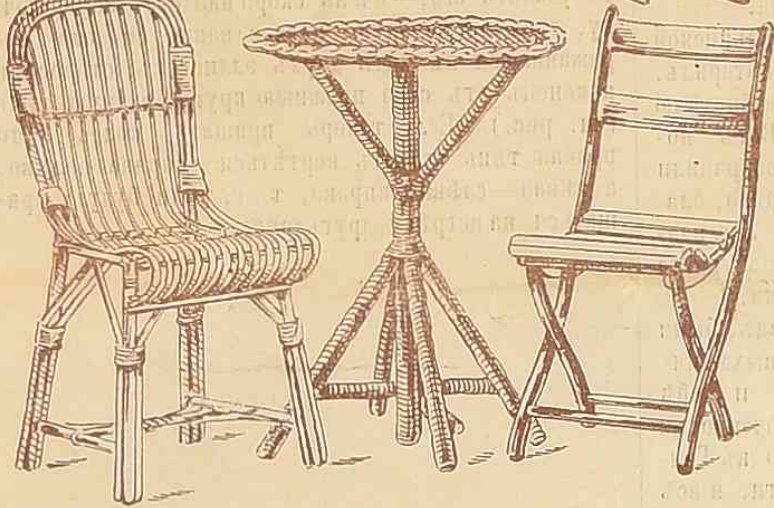
Морисъ Палеологъ,
членъ министерства иностранныхъ
дѣлъ.

Къ дѣлу Дрейфуса.

ПОСЛѢДНІЯ МОДЫ.

САДОВАЯ и ДАЧНАЯ МЕБЕЛЬ

жельзная, (французская), тростниковая, деревянная и друг.
РАЗНЫЯ САДОВЫЯ УКРАШЕНІЯ
изъ Маіолина и Терракота.

(Гномы, Звѣри, Вазоны, Табуреты и т. п.)
Настоящіе фонари „Луна“ для террасъ и балконовъ.
Холодильные шкапы, мороженницы и фильтры для очищенія воды.
Спеціальныя отдѣлы:
фаянсовой и стеклянной столовой посуды, кухонныхъ и хозяйствен-
ныхъ принадлежностей, пополнены новымъ большимъ выборомъ
цѣны общедоступныя.

„Братья Петрокино“,
ОДЕССА, Греческая улица, д. № 26, собственное зданіе.
Прейсъ куранты высылаются бесплатно.

Редакторъ-издатель А.П. Старковъ.

Дозволено цензурою, Одесса, 1-го мая 1899 года.
Типографія „Одесскихъ Новостей“, Екатерининская ул., д. Вубы.

Редакторъ Е. В. Васьковскій.